

Мама, война

Чечитов А. А.

16+

Александр Александрович Чечитов

Мама, война

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49284620

SelfPub; 2020

Аннотация

Солдаты ещё вчера бывшие обыкновенными мальчишками, столкнулись с самым трудным испытанием в своей жизни – войной. Голод, морозы и раны стали для них обычным делом. Надежда на светлое будущее, преданность родине, а главное любовь матери помогли им в самые тяжелые минуты жизни.

Прозрачная, тонкая полоска небольшого теплого ручейка, неспешно огибала ворох промокшего белья, упавшего между небольших, заросших травой бережков. Тут и там на ветвях подпрыгивали веселые птицы, издавая протяжные трели. Полуденная жара, разыгравшись в полную силу, превратила густой лес, в большую, зеленую баню. Возвращаясь с речки, Антонина Михайловна, не удержалась на ослабевших ногах. Упав, она угодила между большим булыжником и ручьем, больно ударившись о землю.

– Вот и пришел мой последний час, – с горечью подумала пожилая женщина, не отыскав сил встать. Из всей своей долгой жизни, в эту минуту она вспоминала лишь годы оккупации немцами её родного села. Тогда, будучи ещё в полной силе, Антонина Михайловна, помогала сельчанам и пришедшим партизанам. Когда едой, иной раз ночлегом, в общем, всем, чем могла. Война ещё в самом разгаре была, а Антонина Михайловна, уже заранее видела, как жизнь потечет в старом русле.

– Деревня, – думалось ей, – быть может, не сразу, но конечно обязательно со временем вырастит. Может даже в город превратиться. Сын её Алешка, с фронта вернётся, агрономом станет, значит, на кого собственно и учился. Жениться, внуков нарожает. Слаще этих дум, не было в ту пору для Антонины Михайловны. Этим согревалась она, в трудную

минуту. Многим пришлось тогда увидеть и смириться с тем, что мечты часто, так и остаются ими, хоть бы и самые простые. В ночь перед тридцать первым декабря, Антонина Михайловна долго не могла уснуть. Сама не зная от чего, беспокоилась, вздыхала. В полночь за окном мелькнула фигура, и вскоре раздался робкий стук.

Антонина Михайловна осторожно спустилась с печи, скинула крючок и впустила незнакомца. Высокий, худощавый мальчишка, с виду не больше лет семнадцати, дрожал, отирая заочневшие на морозе ладони. От мальчика пахло снегом и холодом, но женщина, сразу почувствовала запах пороха. Едва уловимый аромат боевых орудий, намертво прилепившийся к легкой, потрепанной фужайке, Антонина Михайловна не смогла бы перепутать ни с чем.

– Случилось чего, сынок? – оглядев, начала Антонина Михайловна.

– С поручением бабуля, я в ваши края отправлен.

– Садись, отдохни, угощений нет, хоть чаем напою с дороги. Керосинку зажигать не стану, иначе кто знает, вдруг немец увидит.

Юноша подошел к сбитому из неотёсанных, досок неболь-

шому столу у окна, присев на толстое, сухое палено, приспособленное вместо стула.

– Что за поручение сынок?

– Этого под дулом пистолета не имею права раскрывать, а то, что вас касается, скажу.

– Не томи, сынок, от кого вести принес?

– Вот, – парень аккуратно вытащил бумажный треугольник из-за пазухи.

Налив в стакан кипятка, Антонина Михайловна залпом прочла содержимое. Присела рядом. Ноги от чего-то, размягчали, и она едва удержалась, чтобы не упасть. Именно этого женщина больше всего боялась. Антонина Михайловна готова была терпеть лишения, голод, даже смерть ей не была так страшна, лишь бы обошла стороной Алешу беда. Теперь тридцать пять лет жизни сына, были обозначены парой фраз, на листке, уместившемся на ладони. С того вечера Антонина Михайловна существовала по привычке, сама здесь, а мыслями далеко в прошлом. Закрывая глаза она, ощущала приятную тяжесть на локте, это малыш Алеша спокой но спал, прижавшись нежной щечкой к материнской груди, в мирном прошлом.

До победы ещё много дней и ночей оставалось, весна не торопилась, прячась, где-то далеко за горизонтом. Снилось Антонине Михайловне, идет она по огороду своему, что вскопала накануне, а земля то не черная как положено, а красная. Вот же странное дело, – удивлялась женщина, а огороду края не было, и выйти за околицу она не могла.

– Алеша, – обрадованно улыбнулась Антонина Михайловна, увидев в военной форме остановившегося у изгороди сына. Вдруг над головой закружили вороны серые, да не каркают окаянные, а точно пулемет ругаются. Громче и громче, скрежет из их глоток становиться, такой сильный, что уши болеть начали. Проснулась Антонина Михайловна, спустила ноги с печи и слышит. Наяву стреляют, только свист свинцовых пуль в воздухе раздается. Грохотало то слева, то справа. Запомнила Антонина Михайловна только, как полетела с печи вниз, в темноту, а потом наступил монотонный гул, скрывший все остальные звуки. Утром, когда печь остыла окончательно, только тогда Антонина Михайловна очнулась. В груди заныло надтреснувшее ребро, смотрит она вверх, а над головой бревна, доски, солома обгорелая. Хранит видать ангел, – выдохнула Антонина Михайловна облегченно. Как выбраться она ещё не знала, только слушала первые минуты, что вокруг происходит. На некотором расстоянии от неё гудели резвые танки, раздавались одиночные выстрелы, бега-

ли люди. Речь их трудно было расслышать, и было страшно. Кое – как справившись с толстой балкой придавившей ногу, женщина поползла наружу. Секунды, казались часами, и сил почти не осталось, когда Антонина Михайловна вдохнула свежий, прохладный воздух. К тому моменту, когда она выбралась, войска неприятеля уходили прочь. На месте некогда справных домов бушевало пламя, рассекая небо ярко-красными остриями. Прихрамывая, Антонина Михайловна подошла к деревенскому амбару, остановившись в десяти шагах от огня. Она не была в силах, что-либо сделать. Длинное, крепкое здание, утонуло в испепеляющем огнive, а из самой его глубины кричали люди.

Наверное, это метались души, – подумала Антонина Михайловна, – потому как ни секунды живой человек не должен был вытерпеть в этом горячем аду. Опустилась Антонина Михайловна на больные, сбитые колени. Ей казалось, сама она горит заживо в этом проклятом сарае. Запахи безысходности, страха, боли смешались с огнем и дымом, пожирая нутро без остатка. Антонина Михайловна замерла, лишь только в её глазах отражались трепещущие красно – желтые краски. Вскоре к пепелищу, бывшему прежде деревней, стали подтягиваться советские танки. Солдаты шли разрозненно, переговариваясь о предстоящих схватках на границе. Закопчённые в сражениях лица, приобрели бронзовый окрас, а форму устлала бурые пятна. Антонина Михайловна не ви-

дела их. Она не замечала, обступивших её молодых воинов, не чувствовала вкус скудной еды, приготовленной незнакомым солдатом из того что удалось отыскать. Целый мир съезжился до размера маленькой, сгоревшей деревушки, бывшей прежде нитью, связывавшей с прошлым. Все рухнуло, оставив взамен звенящую пустоту.

Уходить из родных мест, Антонина Михайловна оказалась, приспособив под жильё покосившуюся баньку. Несколько уцелевших под завалами детишек, в первые, же дни перевезли в соседние города. Пехота ушла, и с этого дня женщина осталась совсем одна, посреди черных развалин усеянных посеребрившими костями. Со временем Антонина Михайловна привыкла к одинокой жизни. Она день ото дня выполняла рутинную работу, в силу насущных потребностей. Женщина не хотела верить, в то что Алеша погиб. Материнская любовь была сильнее написанных на желтой бумаге слов. Это выручало. Время делало свое дело, и вскоре надежда превратилась в убежденность. Дни проходили в беспросветном одиночестве и все-таки Антонина Михайловна ждала.

Смахнув запачканной рукой подступивший к глазам пот, Антонина Михайловна попыталась встать. Жизнь понемногу возвращалась к онемевшим конечностям, и дыхание становилось крепче.

– С божьей помощью, может наладиться. Поправлюсь, - повторяла Антонина Михайловна, чуть громче маленького ручейка бегущего у самой головы.

– Давай помогу мама.

Вытирая теплые, соленые слезы, стекающие по заросшим щекам, Алеша поднял маму. Один рукав рубахи опустел, и от этого материнское сердце больно защемило.

– Живой, – улыбнулась Антонина Михайловна, обняв сына.